

Когнитивный анализ мифопоэтического прообраза теории “основного мифа”¹

Мифологема есть самый что ни на есть подлинный язык психических процессов, и никакая рассудочная формулировка даже и приблизительно не в состоянии достичь полноты и выразительной силы мифического образа.

К.Г. Юнг

Знание - добро, невежество - зло, дерево познания – посеянная мудрость.

Проф. Ваганян Г., кандидат искусствоведения Ваганян В., аспирант Багдасарян В.

Новый взгляд на теорию “основного мифа”

Теория “основного мифа”, разработанная лингвистами В. Топоровым и В. Ивановым [1] в 60-70-ых годах XX века, сводится к выделению основного мифологического сюжета в области индоевропейской мифологии - сюжета борьбы Громовержца со Змеем. Когнитивный и лингвистический анализ рассматриваемого материала показывает, что к настоящему времени **теория “основного мифа” устарела, поскольку не вбирает в себя целостный круг исследуемых вопросов.** Критика теории “основного мифа” неизбежно оказывается в соотнесении с современным положением анализа мифологического сознания в критической и научной философии. Однако, возрастающий интерес к мифу и основным проблемам сравнительной мифологии возводится не столь к философскому анализу его формы, сколь к изучению его материи. Однако систематическая проблема единства данного многообразного и объемлющего материала в теории “основного мифа” представляется методами литературного анализа и всеобщей этнопсихологии, выделяя лишь универсальную мифологическую линию, а не ее первоисточник. Новая концепция исследования данного вопроса проводится, обращаясь к существующим историческим, философским, культурологическим и лингвистическим фактам.

Ни одна из форм не обладает изначально самостоятельным бытием, следовательно, определение первоисточника доказывает происхождение основных форм духовной культуры из мифологического сознания. Вопросы истоков познания, науки, искусства, письменности указывают на единую исходную стадию, в которой все они воссоединились в единстве мифологического сознания. В течение определенного времени из нее постепенно генерируются теоретические понятия познания, пространства и времени, добра и зла, жизни и смерти. Эта “генетическая” связь указывает на генерирование отдельных мотивов и принципов натурфилософии, связанных с индифферентной первоосновой мифологического сознания. Таким образом, данная проблема перерастает за рамки существующей интерпретации исследования теории “основного мифа”, вбирая в себя более целостный круг проблем и задач.

В основе новой концепции лежит не сюжет **борьбы Громовержца со Змеем, а сюжет взаимодействия четырех основных сил природы** (акт миротворения), который завершается **рождением первочеловека** (культурного, познающего). Предложенная основа является системообразующей в качестве основного мифологического сюжета **и выходит за рамки** не только области индоевропейской, но и **мировой мифологии.** Новая концепция стремится не к разделению на составляющие элементы, а к синтетическому пониманию концепта генезиса. Результаты проведенных исследований выявили, что сюжет борьбы Громовержца (божества) со Змеем (олицетворением тьмы) в традиционном толковании устарел и требует нового, когнитивного толкования, как отражение познания

¹ Иванов В., Топоров В. Исследования в области славянских древностей. Наука, Москва, 1974.

в мышлении культурного человека концепции дерева познания добра и зла, а вместе с ней, переосмысление концепции дерева жизни, как отражение борьбы первочеловека (сил добра) с последствиями землетрясений и извержения вулканов (природных сил зла) во имя блага, сохранения дерева жизни [2, 3].

Рождение Ваагна – прототип основного мифологического сюжета

Те или иные образы и мотивы не представляются как данность в нашем сознании, а являются результатом формирования, осуществляемого основными силами сознания, в силу условий созерцания и чистого мышления. Он не только ведет поиск категорий предметного сознания в теоретико-интеллектуальной сфере, но и предполагает, что подобные категории должны действовать во всех областях формирования картины мира. Всякая картина мира такого рода оказывается возможной только благодаря своеобразным актам объективации, перевода простых “впечатлений” во внутренне определенные и структурированные “представления” [4]. Змея или дракон это символическое представление извержения вулкана и схода лавы. Доисторический человек был свидетелем природных процессов. Перед размышляющим, мудрым, знающим и опытным человеком – вождем или лидером племени, стояла задача - изучить, описать, передать и визуализировать наблюдаемые процессы с целью сохранения и передачи знаний и опыта для обучения и организации борьбы, выживания будущих поколений, наследников с помощью доступных для своего времени средств. Наиболее древними инструментом визуализации сил природы и взаимодействия человека с растительным и животным мирами, а также с известными ему четыремя основными силами природы являлись традиции наскального искусства. Раз в 1000 или 2000 лет, как правило, в Араратских горах имели место катастрофические извержения вулканов, и необходимо было осуществить накопление и передачу знаний в форме и содержании, доступных и понятных древнему человеку.

С поставленной задачей блестяще справились жители вулканических Араратских гор [5]. Признание значимости народной языковой категоризации и концептуализации в плане выявления и теоретического осмысления фундаментальных механизмов, регулирующих бытие и деятельность языковой личности, обозначает такой вектор научного поиска, как когнитивное моделирование народного опыта переживания культурных форм и языковых знаков. По этой причине в центр исследовательской рефлексии попадают модели народной языковой категоризации - методологические инструменты, раскрывающие диалектику взаимодействия естественнонаучного знания и эмпирического опыта в условиях ориентирующего взаимодействия языковых личностей в координатах соответствующей культурно-исторической эпохи [4].

В качестве основного мифологического сюжета выдвигается сюжет рождения первочеловека по описанию “Песни о рождении Ваагна” [6]. Одним из значимых признаков, лежащих в основании данного анализа, оказывается генезис мифологических образов, сюжетов и мотивов. С помощью научных источников важно установить реконструированы ли мифопоэтические элементы, возникли они как результат оригинального авторского мифотворчества или же были заимствованы. В процессе анализа данные элементы рассматриваются в качестве особой подсистемы - не изолированной, а тесно связанной с прочими уровнями данного вопроса. Выработанные в нем принципы представляются во многом универсальными.

Базисом, основой, фундаментом знаний и практики, предопределяющими победу над стихийными силами природы, над врагом, противником, являлись знания **о четырех основных элементах, четырех силах природы – огне, воздухе, воде и земле. Надстройкой** являлось **взаимодействие** и результаты подобного взаимодействия **основных сил**

природы. Именно симбиоз базиса и надстройки обеспечивал конечную **победу разума над дикой силой, предreshал вопросы выживания и жизнеспособности племени** [7].

В сознании древнего человека укоренился принцип – четыре силы доминируют над одной из них (эти взгляды в дальнейшем трансформировались и вошли в учение, которое мы называем основами и принципами натурфилософии и метафизики). Он понимал, что система доминирует над одним из ее элементов. Элемент системы не может противостоять целостной системе. Система обладает качествами, которыми не обладает ни один из ее элементов, входящих в систему (принцип эмерджентности). Таким образом, в основных мифологических мотивах устанавливается некая цепь опосредующих звеньев, в которых, однако, наблюдается создание в своей совокупности единственный ряд изменений, формирующих универсальное мышление. Этот своеобразный закон сгущения или совпадения соотносимых звеньев в мифологическом мышлении может быть прослежен в логике и генезисе мышления, мудрости и разуме древнего человека, моделируемые на основе интерпретации и толкования сюжетов и сцен комплексов наскальных рисунков Армении. В них мы находим многочисленные образы громовержца и змея - дракона. В доисторической культуре Араратских гор есть уникальные артефакты – драконовые камни, высеченные из базальта, так называемые “вишапакары”.

Громовержец – это культурный, мудрый, обладающий знаниями первочеловек, который обладает “сверхъестественными” силами, благодаря своим познавательным способностям, знаниям, ума и разума, мудрости. Он представляется в наскальных рисунках и в мифах в идентичном образе в виде героя, принимающего вызов диких сил природы, угрожающих земле, миру, в том числе, растительному и животному миру, всему человечеству, а также, космосу, солнцу и луне, другим силам природы. Негативные силы олицетворяет **Змея, пытающаяся уничтожить растительный и животный мир, убить человека, проглотить солнце и луну, закрыть доступ человека к источнику жизни, к воде** [8].

Познание “добра и зла” представляется в доступной для восприятия, осознания, обучения и применения в рамках своего времени в доступной для понимания стилизованной форме в виде универсальной интегрированной концепции дерева жизни и дерева познания добра и зла. Познание добра и зла характеризуется конечным **актом победы добра** (мудрости, знаний, силы света и солнца, молний и т.д.) **над злом, змеем** – драконом - конечной формой генезиса парадигмы победы над стихийными силами природы, благодаря знаниям, мудрости и смелости вождей и лидеров племени (бесстрашных предводителей мудрецов, которые в течении истории, очевидно и закономерно были обожествлены и стали играть роль громовержцев в традиционном мифологическом понимании и представлении).

Выдвинутая нами новая концепция “основного мифа”, в общей сложности, представляет собой реконструкцию, созданную на основе моделирования действия четырех сил природы, выраженных в принципах метафизики и натурфилософии в “**Песне о рождении Ваагна**”, а также в трудах М. Хоренаци и А. Ширакаци о четырех силах природы [9-12]. В “Книге посланий” М. Хоренаци раскрывает тайну рождения человека, используя язык метафизики, учения о единстве природы и человека, подчеркивающий, что силы природы взаимосвязаны и состоят из четырех первооснов – стихий, из земли, воды, воздуха и огня [9]. Песня представляет собой художественное прочтение стиха в музыкальном сопровождении в виде последовательности описания алгоритма взаимодействия четырех сил природы: не противопоставление первочеловека - Громовержца и его противника - хтонического Змея, а противопоставление олицетворяющего жизнь взаимодействие четырех основных сил природы (синтезированные в акте рождения Ваагна) против антро-

поморфной силы - катастрофического извержения вулкана, олицетворяющего смерть и хаос. С этой оппозицией соотносятся все прочие, которые гарантируют победу добра над злом, разума над глупостью, мудрости над невежеством, светлого над темным, порядка над хаосом, жизни над смертью, верховенство концепции дерева познания добра и зла и т. п. Бесконечное время возводится к первоначалу, из которого произошли все силы природы.

Всеобъемлющее описание основного мотива песни - поэмы "Рождения Ваагна" приводится в "Истории армянского народа": "Эта восхитительная песня представляет происхождение/рождение культурной жизни как процесс единства противостоящих, полярных четырех элементов на небе и на земле - земли, воды (море), огня (пламя, дым) и воздуха (небо)" [10]. Также представлен растительный мир в виде тростника на море, из которого в окружении огня и дыма рождается Ваагн [11]. В социальном и космическом отношении здесь представлены два взаимосвязанных, но противостоящих друг другу мира: человеческий и природный. Их границей здесь служат силы природы, все существенные события происходят в пространстве между землей и небом. Большое количество образов растительного мира во многом обусловлено той функцией, которую они выполняют.

Песня-поэма "Рождение Ваагна", однако, - не описание солнца, восхода или грома, как некоторые считают. Это воистину поэтическое описание природного явления. Но что это за явление? Это поэтическое описание извержения вулкана. Не случайно в этой песне рождение солнцеекого юноши происходит благодаря четырем основным элементам на небе и на земле: земли, воды (море), огня (пламя, дым) и воздуха (небо). В данной песне процесс вулканического извержения уподобляется родовым мукам: в муках небес и земли, багрового моря и восходящего из моря красного тростника рождается Ваагн. Красный тростник - воплощение вулкана, из горлышка, кратера которого поднимаются дым и пламя (дым и пламя совместно не присущи ни солнцу, ни грому или молнии, описание которых пытаются представить до сих пор), из которого (пламени) рождается юноша, олицетворяющий бесстрашие и мужество, любовь и преданность. По нашему мнению, эта песня не имеет восточно-индийского или иранского происхождения, а была создана на территории исторической Армении, в парадигме армянской культуры и мировоззрения. Она была создана в окрестностях моря Ван непосредственно под впечатлением извержения вулканов, возможно, Масис и Сис, Немрута или Тендюрека (Тондрака), находящихся недалеко от моря. Описанное в песне "пурпурное море" - море Ван, которое окрасилось в пурпурный цвет во время извержения вулкана, от изверженных магматических пурпурно-красных огненных языков пламени и огня. Песня - поэма "Рождение Ваагна", представляя поэтическое образное описание извержения вулкана, в сущности, воплощает происхождение "бога" войны, битвы и мужества, молнии и грома в армянском языческом пантеоне [12].

В процессе анализа выявлены родственные причинно-следственные связи (инварианты, аналогичные, подобные архетипы в сюжетах) древнеармянской истории о рождении культурного героя, первочеловека **Ваагна**, о его невесте - прекрасной **Астхик** и его поединке с **Драконом** – **вишапом и освобождением вод** (на территории граничащей с **Кавказом**), с древнегреческими мифами, в частности **Борьбы Зевса с Тифоном** (змеей родом из **Киликии**, по другой версии из **Кавказа**), сотворении **Прометеем** людей из глины, смешанной с водой на **Кавказе**, о наказании Прометея за неординарный поступок (акт проявления добра способом передачи людям знаний об огне). Прометей по воле Зевса был прикован к скалам **Кавказа**. На **Кавказ в Колхиду** устремились аргонавты во главе с Ясоном, где их ожидал дракон, охранявший источник воды и Золотое руно (символе древних знаний, записанных с помощью рун) на дубе (символе **дерева познания добра и**

зла). По данным германо-скандинавской мифологии Руны изобрел ас **Один** на дубе (символе дерева познания добра и зла), окрасив их своей кровью [2, 6]. По скандинавской традиции на рунных камнях изображались, как правило, драконы. Туловища их заполнялись вместо крови рунами, то есть драконы охраняли древние знания. Знания и мудрость (их познание, применения) имели **цену жизни или смерти**.

Когнитивная оценка основного мифологического мотива

Таким образом, весь концептуальный смысл идеи борьбы Громовержца с Драконом лежит в сознании (мышлении) древних осознанием парадигмы и цены знаний, выраженной в форме идеи познания **“дерева добра и зла”**, в познании **“спелых плодов мудрости, знаний”**. И первым таким ключевым, решающим испытанием для познающего и на практике применяющего мудрость и знания доисторического человека становится решающаяся битва с последствиями катастрофического извержения вулкана, столь ярко, реалистично, когнитивно, в художественно-поэтической, в форме песни, передающейся народом из поколения в поколение, которую поведал нам М. Хоренаци. Этот основной сюжет выявлен, исследован, идентифицирован и интерпретирован авторами также в основных мотивах наскальных рисунков (Кавказа, Араратских гор, на территориях где были расселены предки и потомки Ноя и Иафета, Фираса, Асканаза, Торгома, Рифата и Иавана) [11, 14].

Выявлены также связи **“основного мифа”** с мотивами библейской истории о сотворении **Адама и Евы** (в Райском саду в Вавилонии, на границе с **Кавказом**, там, где находятся истоки **четырёх рек**), нарушении ими запрета **на познание плода с “дерева добра и зла” с участием змея** (и последующем наказании их - **“изгнании”** из местности, где наблюдается характерная картина извержения вулкана). Выделены связи с другими древнегреческими, кассито-вавилонскими, шумеро-аккадскими, хуррито-хеттскими мифами, например, историей о поединке **Кадма** (из Финикии, внука Айка Наапета) с **Драконом**, а также **Ясона с Драконом в Колхиде (Кавказ)**, ведийского мифа о поединке **Индры с Вритрой**, сюжетов балтийской мифологии о **Перкунасе и Вельнясе** и других. За передачу знаний (ср. с историей о Прометее, прикованном к скалам гор Кавказа) человечеству, в форме христианского мировоззрения, как возрождение или продолжение учения Творца героя наказывают. Христос, в конце концов, за свои деяния также **“приковывается” на кресте**, символизирующем **“дерево познания добра и зла”**, а также **“дерево жизни”** [15]. Его воскрешение символизирует возрождение дерева жизни на небесах. Приход его как спасителя олицетворяет возрождение дерева жизни на земле. От доязыческого и языческого мира та же теоретическая и религиозная **“ориентация”** перешла к христианству, проникнув в систему христианско-средневекового вероучения. План и строение средневекового храма обнаруживают характерные черты той же символики сторон света, свойственной мифологическому чувству пространства. Солнце и свет уже не являются более сами божествами, однако они по-прежнему служат ближайшими и непосредственными божественными знаменами. Место культа солнца заняла вера в Христа как в **“солнце справедливости”**. Четыре оконечности креста также отождествляются с четырьмя сторонами света и соответствующим делением мира. На этом простом схематическом основании и в христианстве строится все более утонченная и углубленная символика, в которой все внутреннее содержание веры словно выступает наружу, объективируясь в элементарных пространственных отношениях.

Мысль человека при своем рождении опирается не только на категории и единицы конкретного языка, но и на универсальные содержательные структуры [16]. Люди часто владеют словами не на уровне их значения, а на уровне передаваемых ими смыслов, т.е. концептов и концептуальных признаков в совершенно других, не соответствующих им

контекстах, не задумываясь, как формируется слово в словаре, которое служит адресату основой для понимания смысла [17]. Современный уровень развития лингвистической науки предполагает серьезное изучение вопросов системной организации словарного состава языка, анализ слова, взятого не самого по себе, а во всех его связях и отношениях. В языке отражается современная культура, однако он также носит отпечаток ее предыдущих состояний, в которых закрепляется универсальная картина мира, система устойчивых образов. Армянский язык, как *smart* язык, сохранил следы этой связи. Ва(н)агн (воплощает четыре согласных букв в, н, г, н) - драконоборец (“вишапаках”) и одновременно громовержец, освободитель воды авторами прямо отождествляется с четырьмя силами природы (огонь, вода, воздух, земля), и соответственно с извержением вулкана, лавой. Корни этих теонимов, *ван, *иа, *ан *агн и *uel-, становятся для авторов универсальным показателем связи с четырьмя силами природы, с антагонистом Змея, они находят его абсолютно везде - в именах языческих богов, греческого Зевса, балтийского Вельяса, в топонимах типа Волосово, Велетово, Вольтынь, Вавель и т. д., в словах Валькирия, Вальхалла, Вёлунд и т. п. в именах воды (“аqua”) и т.д.

Мышление внерациональное (мифологическое, доксальное) и рациональное (дискурсивное, аналитическое) суть разные взаимодополняющие формы отражения, создания и познания мира. И разум, основывающийся на выводах и доводах рассудка, обрабатывающего данные чувственных восприятий, ощущений, способен моделировать неизвестное, снова прибегая к чувству, запечатленному в памяти, - к сенсорным образам. Данные образы, по нашему мнению, в наибольшей степени выражены в мотиве рождения первочеловека Ваагна на основе взаимодействия четырех сил природы, который является прототипом и универсальным прообразом в рассмотрении теории “основного мифа”. Сведения армянских историков получают научное подтверждение по результатам других междисциплинарных исследований [18], а также результатам сравнения, анализа и интерпретации системы простых, гега и мегакластеров наскальных рисунков, обнаруженных вокруг трех священных армянских озер (Ван, Севан и Урмия), в пространстве расселения потомков Фираса, Асканаза, Торгома и Рифата, включая территории современных Армении, Нахиджевана, Азербайджана, Ирака, Сирии, Ирана и Турции [19].

Таким образом, в обновленной теории основного мифа первичным является мотив рождения первочеловека (мудреца, героя, учителя, олицетворяющего силы добра, света и жизни), а вторичным – мотив борьбы первочеловека (громовержца) с драконом/змеем (олицетворяющим силы зла, тьмы и смерти) с целью разумного, оптимального управления силами природы на планете Земля, ее растительным и животным мирами.

2016 © Ваганян Г., Ваганян В., Багдасарян В.

Библиография

1. Иванов В., Топоров В. Исследования в области славянских древностей. Наука, Москва, 1974.
2. Vahanyan G., Stepanyan A. Prehistoric art in Armenia: new discoveries, new interpretations and new methods of research, XXI Valcamonica Symposium "Prehistoric and Tribal Art: New Discoveries, New Interpretations, New Research Methods", Darfo Boario Terme (BS), Italy, 08-14 September 2004.
3. Vahanyan G. Volcanic eruptions from Mountains of Ararat till Alps, Indo-European myths, Rock art and iconography. Convegno internazionale, L'arte Rupestre Delle Alpi, Capo di Ponte, Valcamonica, Italy, 21-24 October 2010.
4. Кассирер Э. Философия Классических Форм. Том 2: Мифологическое мышление. Университетская книга Москва - Санкт-Петербург, 2001.

5. Vahanyan G., Vahanyan V. Araratian Rock art as a paradigm of communication and visual arts in the past and future, The XXIVth Valcamonica Symposium “Art and Communication in pre-literacy societies”, Capo di Ponte, Valcamonica, Italy 13 - 18 July 2011.
6. Vahanyan G. The Role of Rock Art Clusters in Mythology, Religion and Magic: the Concept of the Knowledge Spiral, EXPRESSION N°10 Quarterly e-journal of Atelier in Cooperation with UISPP-CISNEP. International Scientific Commission on the Intellectual and Spiritual Expressions of non-literate Peoples, December 2015.
7. Vahanyan G. The Beginning of natural philosophy and metaphysics in the rock art of Armenia. EXPRESSION N°6, International Journal of Art, Archaeology & Conceptual Anthropology, August 2014, UISPP – International Union of Prehistoric and Protohistoric Sciences (Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques), World Congress “Atapuerca”, 1-7 September 2014, Burgos, Spain.
8. Vahanyan V., Vahanyan G. Armenian Pleistocene Rock Art as Origin of the Universal Visual Motifs of the Indo-European Myths. IFRAO Congress “Pleistocene Art of the World”, Tarascon-sur-Ariège and Foix, France 6–11 September 2010.
9. Абебян М. Армянская церковная литература древности, <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=290>
10. История армянского народа. Т. 1 (на армянском языке), НАН, Ереван, 1971, стр. 485.
11. Хоренаци М. История Армении (пер. с древнеарм. Саркисяна Г.), Ереван, "Айастан", 1990.
12. Ширакаци А. Космология и календарь, под ред. А.Абрамян, Ереван, 1940.
13. Ваганян Г. Получено дополнительное научное подтверждение достоверности фактов, приведенных средневековыми армянскими историками М. Хоренаци и О. Драсханакертци, <http://www.iatp.am/vahanyan/articles/armenian-henom2015.pdf>
14. Драсханакертци О. История Армении, перевод с древнеармянского М.О. Дарбинян-Меликян, Ереван, 1984.
15. Vahanyan G., Vahanyan V. The Cross, the Swastika, the Star of David, and the Eight-Pointed Star in the Rock Art of Armenia. The History of Motifs and their Cultural Influence. XXV Valcamonica Symposium “Art as a Source of History”, Italy, 20–26 September 2013.
16. Демьянков В. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века. Язык и наука конца XX века. Институт языкознания РАН, Москва, 1995, стр. 239-320.
17. Болдырев Н. Когнитивная семантика: Курс лекций. Тамбов: ТГУ, 2000, стр. 123.
18. Gray D.R., Atkinson Q.D. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin. Nature 426, 2003, 435-439.
19. Vahanyan G. Armenian Rock Art as Visual Knowledge for Understanding the History of Civilization in Asia, Europe and Scandinavia. Vahanyan G. XXVI Valcamonica Symposium "Prospects on prehistoric art research: 50 years since the founding of the Centro Camuno", 9–12 September 2015, Italy.